

УБИЙЦЫ К. ЛИБКНЕХТА и Р. ЛЮКСЕМБУРГ ПЕРЕД СУДОМ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

К. Каменецкая

В первых числах января 1919 г., менее чем через два месяца после начала революции в Германии, контрреволюции, возглавленной правыми социал-демократами, удалось спровоцировать пролетариат Берлина на преждевременное выступление и обрушить на него мощный удар своих вооружённых сил. Этот удар был завершён 15 января зверским, предательским, заранее подготовленным убийством К. Либкнехта и Р. Люксембург — революционных вождей германского пролетариата, основателей коммунистической партии Германии. Вынужденные уйти в подполье после поражения берлинского пролетариата в январские дни, К. Либкнехт и Р. Люксембург были выслежены и обнаружены шпионской службой социал-демократического правительства и штабом гвардейско-кавалерийской (стрелковой) дивизии — головного отряда контрреволюционного войска, занявшего Берлин по распоряжению главнокомандующего социал-демократа Густава Носке.

Убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург неразрывно связано с шейдемановско-буржуазно-юнкерским планом удушения германской революции. Чрезвычайно тяжёлое международное и внутреннее положение послевоенной Германии обусловило резкое обострение революционного кризиса после буржуазной революции, 9 ноября 1918 г. опрокинувшей монархию Гогенцоллернов, и создавало объективные предпосылки для дальнейшего расширения и углубления революции.

Но дальнейшее развитие революции тормозилось рядом коренных недостатков в рабочем движении Германии. Основным недостатком было отсутствие к началу революции самостоятельной революционной, испытанной в боях пролетарской партии. Германскому пролетариату предстояло решить исключительно трудную задачу — создать в обстановке уже начавшейся революции боевую революционную партию нового типа, способную вести массы в бой за

доведение до конца буржуазно-демократической революции и её перерастание в социалистическую.

В этих условиях большое значение имело то обстоятельство, что во главе германского революционного пролетариата стояли известные всему миру вожди — К. Либкнехт и Р. Люксембург, которые в тяжёлые годы первой империалистической войны сумели сплотить вокруг себя все лучшие революционные элементы рабочего класса Германии.

Общий ход революции в стране после 9 ноября, развитие событий в Берлине с ноября по январь подтвердили одно из глубоких положений Ленина, высказанных им в статье «Уроки революции»: «Революция даёт всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки. За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какою силою они обладают, какими средствами они действуют»¹.

По мере того как буржуазно-юнкерская контрреволюция с её самыми верными оруженосцами — шейдемановцами — стала прибегать ко всё более открытым методам нападения на пролетарские массы, последние начинали усваивать уроки революции. На уроках революции учились и спартаковцы и их вожди, которые пришли к сознанию необходимости создания самостоятельной революционной партии, и они основали её. «Германская революция выделяет сплочённые кадры рабочих, коммунистические кадры, кладя начало новой коммунистической партии в лице группы Либкнехта»². Передовые рабочие стали спланиваться вокруг компартии, усваивать лозунги коммунистов о социалистической революции и диктатуре пролетариата. В этих условиях для наученной русским опытом германской империалистической буржуазии центральной политической задачей становится задача разгрома молодой компартии ещё до того, как она успеет окрепнуть в организационном и тактическом отношении. Это стремление опередить ход событий, уничтожить компартию в зародыше, ещё до того, как она успеет создать опорные организации на предприятиях и в войсковых частях, и лежало в основе подготовленной контрреволюцией январской провокации и последовавшего за ней вооружённого удара по пролетариату столицы.

Действия контрреволюции не только прикрывались, но и поддерживались шейдемановцами; они непосредственно участвовали в подготовке и проведении в жизнь всех кровавых провокаций против пролетариата. В своих выступлениях шейдемановская пресса и шейдемановские лидеры поддерживали кампанию бешеной травли и клеветы и подхватили широкую агитацию за убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург, которая велась буржуазной прессой. Распро-

странявшееся среди солдат сообщение о вознаграждении в 100 тысяч марок за убийство обоих вождей союза «Спартак» связывалось с именем Шейдемана. В 1920 г. судебными показаниями многочисленных свидетелей было установлено, что к этому были все реальные основания³.

Первые попытки ареста и убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург исходили от берлинской комендатуры и были организованы с ведома правительства шейдемановцем А. Фишером, помощником коменданта Берлина.

Фельдфебель Гассо Тишка, предпринявший 9 декабря первую попытку арестовать и убить К. Либкнехта, вышел из числа шпионов разведывательного бюро, созданного А. Фишером при берлинской комендатуре на средства буржуазии, для непрерывной слежки за действиями спартаковских вождей⁴. Попытка Тишка сорвалась благодаря вмешательству революционных матросов и представителя берлинской полиции, не допустивших ареста К. Либкнехта. Комендатура была вынуждена арестовать Тишка, но обошлась с ним весьма мягко. После трёхдневного ареста Тишка был выпущен на свободу по распоряжению коменданта Берлина шейдемановца Отто Вельса и получил от последнего 5 тысяч марок как вознаграждение якобы за потерянное в связи с арестом время⁵. После этого Тишка, ставший, по его собственному признанию, одним из ближайших доверенных лиц А. Фишера, продолжал шпионить за К. Либкнехтом и Р. Люксембург, получив письменное указание об их убийстве от зятя Шейдемана⁶. В конце декабря, когда спартаковцы вели подготовку к Учредительному съезду компартии, слежка за К. Либкнехтом и Р. Люксембург стала непрерывной. В. Пик пишет: «По пятам Р. Люксембург и К. Либкнехта шла свора шпионов и наёмных убийц; тревожилась неусыпная бдительность, чтобы охранять их от убийства из-за угла»⁷.

В ночь с 10 на 11 января, одновременно с открытием в Берлине военных действий против революционных рабочих, занявших помещение редакции «Vorwärts», по заданию А. Фишера была организована специальная экспедиция из 24 человек, вооружённых ручными и станковыми пулемётами с целью арестовать и убить К. Либкнехта и Р. Люксембург. Участвовал в ней всё тот же Тишка, руководил операцией более опыт-

³ «Rote Fahne» от 14 декабря 1920 года, № 259.

⁴ См. его собственные признания в книге Fischer A. Die Revolutionskommandatur. Berlin, S. 16.

⁵ «Verfassunggebende preussische Landesversammlung 1919—1921. Untersuchungsausschuss. Niederschriftenband über die erhobenen Beweise zum Bericht über die Januarunruhen 1919 in Berlin», S. 328—329.

⁶ См. признания Гассо Тишка на процессе Принца в 1920 г., опубликованные в «Rote Fahne» от 14 декабря 1920 г., № 259.

⁷ Пик В. Образование германской коммунистической партии. Журнал «Борьба классов» № 1 за 1932 год, стр. 40.

¹ Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 67.

² И. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 386.

ный шпик, обер-лейтенант Гюрген, также состоявший на службе в разведывательном бюро берлинской комендатуры. Арестовать К. Либкнехта и Р. Люксембург не удалось, так как их не оказалось там, где их искали. Вместо них были арестованы Эрнст Майер, член ЦК компартии, и Георг Ледебур, лидер независимых. Обстоятельства ареста и поведение при этом солдат, о чём много говорилось в свидетельских показаниях на процессе Ледебура, не оставляют никаких сомнений в том, что А. Фишер в ночь с 10 на 11 января намеревался совершить убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург⁸. Сам А. Фишер, выступавший на процессе в качестве свидетеля, признал, что «целью экспедиции в ночь с 10 на 11 января было лишить январское движение его главарей и руководителей, арестовав их в качестве заложников»⁹. Он подтвердил также и то, что получил на это согласие членов правительства. Рассказывая на процессе о специальном разговоре с членами правительства на эту тему, А. Фишер делает следующее заключение: «Я понял, что хотя они как социал-демократы и не могут дать прямой санкции на этот акт, но охотно предоставляют выполнение задачи самим солдатам»¹⁰. А. Фишер отказался дать показания на процессе Ледебура, когда защита захотела выяснить характер его взаимоотношений со шпионом Гюргеном. Характер этих взаимоотношений был установлен несколько позже показаниями Тишка перед следственной комиссией прусского ландтага по выяснению причин «январских беспорядков». Тишка признал, что лично он получил от А. Фишера на расходы по этой экспедиции 10 тысяч марок, а Гюрген — 17 тысяч марок¹¹. Когда же на процессе Ледебура защита стала настойчиво добиваться показаний А. Фишера по этому вопросу, то правительство освободило его от этой необходимости специальной телеграммой на имя суда, которая гласила: «Лейтенанту Фишеру отказано в разрешении давать показания суду по таким вопросам, в отношении которых его служебной обязанностью является сохранение тайны, ибо это связано с нанесением ущерба интересам государства»¹².

Совершенно очевидно, что официальные инстанции социал-демократического правительства явно не желали выяснения этой стороны деятельности А. Фишера, так как она могла способствовать выявлению роли шейдемановцев в неудавшемся покушении на жизнь К. Либкнехта и Р. Люксембург 11 января, а это, в свою очередь, могло служить уликой участия шейдемановцев в кровавом преступлении 15 января, когда убийство действительно совершилось.

После январской борьбы социал-демократическое правительство в поисках К. Либкнехта и Р. Люксембург мобилизовало весь

многочисленный аппарат шпионской службы, которым оно располагало в это время в Берлине.

В травлю вождей компартии шейдемановцы внесли свой собственный провокаторский приём, рассчитанный на отсталые слои рабочих. Они внушали массам, что вожди спартаковцев оставили своих сторонников на произвол судьбы и заботятся лишь о своём личном спасении, о своей личной безопасности.

13 января газета «Vorwärts» поместила стихотворение Артура Циклера «Дом мёртвых», одно четверостишие которого звучало как открыто выраженное сожаление, что Р. Люксембург и К. Либкнехта нет среди убитых, и как прямой призыв к их убийству: «Много сотен мёртвых лежат в ряд, пролетарии! Карла, Розы, и компании, ни одного, ни одного нет среди них»¹³.

Новый начальник берлинской полиции, шейдемановец Рихтер, спешил через прессу успокоить берлинскую буржуазию сообщением о том, что он вернул на службу в полицию и вооружил всех прежних полицейских, большая группа которых уже занята ловлей спартаковских вождей и производит обыски на их квартирах. «Vorwärts» сообщал о постоянном наблюдении, установленном за квартирой К. Либкнехта.

Вопрос о том, кому и каким способом удалось выследить и обнаружить местонахождение К. Либкнехта и Р. Люксембург, долгое время считался невыясненным. Официальная версия гласила, что они были обнаружены случайно во время обычного в то время повального из дома в дом обыска, производившегося в поисках оружия местным отрядом гражданского ополчения Вильмерсдорфа.

В 1932 г. «Rote Fahne» удалось найти материалы разведывательного отдела социал-демократического полка «Рейхстаг»¹⁴, так называемые «секции 14», из которых стало известно о роли агентов этой секции в слежке и установлении местонахождения вождей компартии¹⁵. В 1936 г. видный фашистский деятель Оертцен, служивший в январе 1919 г. при штабе гвардейской кавалерийской дивизии, в своей книге, посвящённой истории формирования добровольческих отрядов контрреволюции, признал, что раскрытию местопребывания К. Либкнехта и Р. Люксембург помог приказ Носке об установлении тщательной слежки за телефонными разговорами на всех телефонных станциях Берлина¹⁶.

¹³ «Vorwärts» № 22 от 13 января 1919 года.

¹⁴ 6 января под руководством двух видных шейдемановцев: Артура Баумайстера и редактора «Vorwärts» Куттнера из членов партии шейдемановцев — была создана воинская часть для борьбы против революционных рабочих. 7 января эта часть заняла здание рейхстага и прилегающий к нему район. Отсюда и название «полк Рейхстаг», которое закрепилось за этой воинской частью.

¹⁵ «Rote Fahne» № 1 от 15 января 1932 года.

¹⁶ Oertzen. Die deutschen Freikopps 1918—1923. S. 276. München. 1938.

⁸ «Der Ledebour-Prozess», S. 478—483; 62—72; 537—546. Berlin. 1919.

⁹ Там же, стр. 478.

¹⁰ «Der Ledebour Prozess», стр. 478.

¹¹ «Verfassung gebende preussische Landesversammlung», стр. 329—331.

¹² «Der Ledebour-Prozess». S. 548. Berlin 1919.

Таким образом, слежка за К. Либкнехтом и Р. Люксембург, перешедшими после январских боёв на нелегальное положение, осуществлялась совместно шпионским аппаратом гвардейской кавалерийской дивизии и германской правой социал-демократией с ведома и по прямому указанию Носке.

Руководителей объединённого лагеря германской контрреволюции не устраивал обычный арест вождей компартии, который мог бы закончиться заключением арестованных в тюрьму, организацией следствия и суда над ними в обычном порядке буржуазного судопроизводства. Они слишком хорошо знали К. Либкнехта и Р. Люксембург, их умнее обращаться к массам и через стены тюрем и со скамьи подсудимых, чтобы удовлетвориться подобным способом изоляции их в момент, когда в стране бушевала революция, когда пример Советской России будил революционную энергию масс. Им нужно было без промедления и колебаний физически уничтожить обоих вождей компартии.

Выполнение этой задачи требовало тщательной подготовки и надёжных исполнителей. Вот почему убийство было поручено крепко спаянной группе офицеров, своим участием в контрреволюционных боях доказавших свою непримиримую ненависть к пролетариату. Такой группой был штаб гвардейской кавалерийской дивизии, той самой дивизии, которая с момента своего вступления в Берлин являлась головным отрядом и становым хребтом контрреволюционного войска.

Документы, которые могли бы дать полную картину подготовки этого злодейского замысла и определить степень участия в нём как германской, так и англо-франко-американской империалистической буржуазии, военщины и шейдемановцев, погребены в архивах и до сих пор не обнаружены.

Ряд отдельных более или менее откровенных признаний на этот счёт появился в фашистской литературе после прихода к власти Гитлера. В 1935 г. вышла в свет книга Эдуарда Штадтлера¹⁷, основавшего в ноябре 1918 г. с помощью и при непосредственном участии воротил германского финансового монополистического мира: Гуго Стиннеса, Гельфериха, Эрнста Борзига, Сименса и других — особую организацию под характер-

ным названием — «Антибольшевистская лига». Эта организация вела разнузданную антикоммунистическую пропаганду, держала в своих руках нити почти всех контрреволюционных заговоров того времени и стояла в центре событий, связанных с подготовкой и осуществлением вооружённых выступлений контрреволюции в Берлине. В своей книге, приводя подробные сведения по истории возникновения и деятельности «Антибольшевистской лиги», Э. Штадтлер признаёт себя одним из организаторов убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург. Он взял на себя роль посредника для передачи поручения об организации убийства начальнику штаба гвардейской кавалерийской дивизии капитану Вольдемару Пабсту. Для организации встречи с Пабстом Э. Штадтлер воспользовался связями своего помощника Зибеля — главного разведчика «Антибольшевистской лиги» — с Пфлуг-Гартунгом, адъютантом Пабста. В своих мемуарах Штадтлер записал по этому поводу следующее: «Благодаря этим связям мне нетрудно было добиться политический аудиенции у Пабста в отеле Эден. Было истинным наслаждением видеть этого блестящего, энергичного, деятельного солдата. И с какой живостью откликнулся он на мои политические идеи. Я ему разъяснил, что операция по вводу войск в Берлин означает ещё только полдела. Хотя Берлин и освобождён пока, но страна обратя востанием, правительство помышляет только о Национальном собрании, хотя оно могло бы и знать, что этим путём силы революции ещё не могут быть ликвидированы... Парламент ещё может лишить нас фронтowych солдат. Нужны решительные люди и решительные действия; если на нашей стороне не видно пока вождей, то нужно, чтобы, по крайней мере, и противоположный лагерь не имел их. К. Либкнехт и Р. Люксембург... в высшей степени опасны, с каждым днём растёт их популярность... Глаза майора Пабста заблестели. Он встал, пожал мне руку и произнёс следующие слова: «Благодарю Вас! Вы можете на меня положиться!» Это было слово решительного человека. Через несколько дней братья Пфлуг-Гартунг и солдат Рунге устранили опасных политических вождей коммунистов»¹⁸.

Мемуары Штадтлера — первое и пока единственное заявление человека, признавшего себя открыто в печати инспириатором и организатором убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург и назвавшего при этом своего ближайшего сообщника — Пабста.

Штадтлер крайне лаконичен, он не называет имён других сообщников Пабста, ничего не говорит об участии в убийстве шейдемановцев. Но делать на этом основании вывод о непричастности шейдемановцев к убийству было бы ошибочным. С установлением фашистской диктатуры, когда германская империалистическая буржуазия перестала нуждаться в услугах социал-демо-

¹⁷ «E. Stadler als Antibolschewist 1918—1919». Düsseldorf. 1935. Автор книги, уроженец Эльзаса, сын лесопромышленника, прошёл школу политического искусства по обману масс в партии католического центра (Союз Виндгорста в Кельне). С осени 1916 по 1918 г. он находился в плену в России, а летом 1918 г. служил в германском посольстве в Москве в качестве начальника Прессбюро. Вернувшись в августе 1918 г. в Берлин, он вскоре после ноябрьской революции приобрёл известность в кругах берлинской буржуазии в качестве «знатока» большевизма и русской революции, выступая с публичными докладами на политические темы: «Большевизм и хозяйственная жизнь», «Большевистский империализм» и т. п.

¹⁸ «Eduard Stadler als Antibolschewist», S. 51—52. Штадтлер ошибочно именуется Пабста майором; в то время Пабст был ещё капитаном, и его повышение в чине произошло несколько позже, в середине 1919 года.

кратов, фашистский автор просто не счёл необходимым распространяться об их прошлых заслугах. В другом месте книги Штадтлер говорит о своей близости к Носке именно в январские дни, в это время он имел с ним два конфиденциальных свидания, во время которых передавал ему настоячивые требования главарей германских капиталистических монополий об ускорении ввода контрреволюционных войск в Берлин и их предложение Носке стать диктатором.

О тесной политической близости и дружеских связях, объединявших в январские дни омерзительных палачей германского пролетариата — Носке, Штадтлера, Пабста, — представлявших трёх союзников объединённого лагеря германской контрреволюции, говорит и ряд других свидетельств. Так, в январе 1919 г., через несколько дней после убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, Носке послал поздравительную телеграмму Пабсту, справлявшему свою свадьбу в отеле Эден¹⁹. Член французской военной комиссии в Берлине Амбруиз Кот описывает свою встречу с Пабстом в отеле Эден вскоре после убийства вождей компартии. Эта встреча, во время которой обсуждались политические комбинации «спасения Германии от угрозы большевизма» с неизменным участием в них Носке, как члена нового правительства, состоялась по инициативе и при посредстве Штадтлера²⁰.

В упомянутой выше книге Э. Штадтлер рассказывает также о контакте, установленном в дни январских боёв между ним, как главарём «Антибольшевистской лиги», и представителем английской разведки. Он описывает свою встречу 7 января 1919 г. с неким Гибсоном, назвавшимся членом английской военной комиссии, находившейся тогда в Берлине. Во время двухчасовой беседы Штадтлера с Гибсоном в отеле, где проживал последний, Гибсон заявил, что он имеет специальное задание ознакомиться с революционной обстановкой в Германии, и проявил особый интерес к работе разведывательной службы «Антибольшевистской лиги»²¹.

Этот факт, сообщаемый впервые Штадтлером, необходимо сопоставить с признаниями главы германской делегации по перемирию Эрцбергер²² в том, с какой поспешностью он постарался 16 января доложить маршалу Фошу о полученном им по телефону от правительства сообщении об убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург. Таким образом, подтверждается вывод, сделанный В. И. Лениным о том, что убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург следует рассматривать в тесной связи с планами удушения германской революции, которые были осуществлены германской контрреволюцией при поддержке и непосредственной помощи международной буржуазии. «Они (буржуазия

Антанты. — К. К.) всячески шли на соглашение с германскими соглашателями, чтобы задушить германскую революцию; как эти люди, объявившие Либкнехта честным немцем, как они на этого честного немца бросились, как бешеная собака, вместе с немецкими империалистами»²³.

Шейдемановцы не ограничились ролью инспирировщиков и организаторов убийства. Они выступили ещё и в качестве укрывателей убийц, приняв ряд чрезвычайных мер по фальсификации расследования дела об убийстве и по обеспечению безнаказанности убийц. Организованный ими в мае 1919 г. судебный процесс явился беспримечным в истории актом вопиющего судебного беззакония.

Материалы, относящиеся к фальсификации расследования и судебного процесса над убийцами К. Либкнехта и Р. Люксембург, не получили до сего времени ещё достаточного освещения в литературе.

В. И. Ленин, неустанно разоблачавший контрреволюционную политику шейдемановцев, неоднократно возвращался к вопросу об убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург. Он подчёркивал, что на примере этого убийства всего нагляднее могут быть опровергнуты лживые и лицемерные доводы в пользу демократии «вообще» и против диктатуры «вообще», доводы, которые в условиях послевоенного революционного кризиса усиленно выдвигались буржуазией и её агентами в рабочих организациях с целью отвлечь массы от революции. В этой связи Ленин подчёркивал обстоятельства, при которых совершилось убийство, и обращал внимание на разыгранную под эгидой шейдемановцев комедию суда с целью оправдания убийц. Он писал: «Если арестованные, т.-е. взятые государственной властью под свою охрану, люди могли быть убиты безнаказанно офицерами и капиталистами, при правительстве социал-патриотов, следовательно, демократическая республика, в которой такая вещь была возможна, есть диктатура буржуазии»²⁴.

Опасаясь взрыва возмущения рабочих масс, правительство не сразу решилось официально объявить о свершившемся убийстве. Официальное сообщение о гибели пролетарских вождей было составлено от имени гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии и опубликовано 16 января в прессе в форме военного донесения: «...о расстреле К. Либкнехта при попытке к бегству и умерщвлении Р. Люксембург при перевозке её в тюрьму». В сообщении говорилось об огромной толпе, собравшейся у отеля в момент доставки туда спартаковских вождей, о безуспешных попытках охраны оградить арестованных от бесчинств разъярённой толпы, об автомобильной аварии, о попытке к бегству в жёлобе раненого К. Либкнехта, о похищении спартаковцами трупа Р. Люксембург.

Штаб гвардейской кавалерийской дивизии

¹⁹ ИМЭЛ. Архив К. Либкнехта. Папка газетных вырезок.

²⁰ Cot A. La contrévolution Allemagne. Strassburg. 1920.

²¹ «Eduard Stadler als Antibolschewist...», S. 45.

²² Эрцбергер М. Германия и Антанта. Мемуары, стр. 320. М. П. 1923.

²³ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 99.

²⁴ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 11.

не проявил первоначально каких-либо особых забот о формально-юридической стороне дела, надеясь обеспечить полную безнаказанность исполнителей убийства ссылками на военную обстановку в Берлине. Штаб дивизии цинично пытался уклониться от необходимости организации расследования по делу об убийстве: в «донесении» об этом не было ни слова. Правительство, наугадное гораздо больше, чем штаб дивизии, пошло несколько дальше, заявив в своём официальном сообщении о намерении учредить «строжайшее расследование обстоятельств убийства и законно наказать виновных»²⁵. Однако и это заявление заранее ограничивало рамки расследования «установлением фактов нарушения конвоирами законных предписаний»²⁶. Расследование поручалось военному суду дивизии.

Шейдемановцы не обнаружили никаких противоречий или признаков нарушения законности в измышлениях официального донесения штаба дивизии.

Начав 16 января с доводов за юридическое оправдание законности ареста К. Либкнехта и Р. Люксембург, шейдемановская пресса вслед за этим выступила с заявлением о тяжёлой вине обоих погибших перед немецким народом, что, по её мнению, вполне оправдывало их трагическую смерть.

Позиция шейдемановцев в первые дни после убийства наиболее откровенно и цинично была выражена Шейдеманом на избирательном собрании в Касселе 16 января, где он заявил: «К. Либкнехт и Р. Люксембург пали жертвой своей собственной террористической тактики»²⁷. Позиция шейдемановцев по отношению к официальному донесению штаба дивизии, их реакция на убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург, по существу, ничем не отличались от позиции реакционной буржуазно-юнкерской прессы. Недаром они заслужили от неё немедленную признательность. «Lokal Anzeiger» писал о позиции шейдемановцев: «В этот момент у них перевешивает чувство облегчения... перевешивает надежда, что ужасный конец сильных вождей большевизма положит конец большевизму в Германии»²⁸. Задно газета похвалила и комитет берлинской организации социал-демократии, который «не впал в истерику перед лицом трупов».

Убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург вызвало огромное негодование в рабочих кварталах столицы. Несмотря на царивший в Берлине разгул реакции и террора, на многих предприятиях вспыхнули стачки, толпы взволнованных людей собирались к отелю Эден²⁹.

²⁵ «Vorwärts» № 29, 30 от 17 января 1919 года.

²⁶ Там же.

²⁷ «Berliner Börsen Zeitung» от 17 января 1919 года. ИМЭЛ. Архив К. Либкнехта. Папка газетных вырезок.

²⁸ Цитирую по «Mannheimer «Rote Fahne» от 15 января 1929 года. ИМЭЛ. Архив К. Либкнехта. Папка газетных вырезок.

²⁹ «Vorwärts» № 31—32 от 18 января 1919 года. Даже редакция «Vorwärts» была вынуждена сообщить о полученных ею многочисленных резолюциях собраний рабочих,

Центральный комитет коммунистической партии Германии выпустил 17 января обращение к рабочему классу, в котором квалифицировались измышления официального «донесения» дивизии как ложь и обман. Убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург ЦК расценивал как террористический акт, совершенный правительством Эберта — Шейдемана³⁰.

Но первыми массовыми выступлениями рабочих в ответ на убийство руководили не спартаковцы-коммунисты, чьи организации подверглись наиболее сильному разгрому после январской борьбы, а партия независимых. Лицемерно заняв позицию осуждения убийства, независимцы в полном соответствии со своей предательско-оппортунистической природой не только не придали размаха и силы движению протеста рабочих, но прямо дезориентировали массы призывами к единству с шейдемановцами своей двусмысленной и уклончивой оценкой роли и виновности последних в убийстве. Наоборот, все выступления лидеров партии независимых были направлены прежде всего на то, чтобы убедить массы в непричастности шейдемановцев к подготовке убийства. Они всеми силами старались не допустить, чтобы борьба масс вокруг вопроса о привлечении к ответу виновников убийства вышла за рамки требований, касающихся порядка ведения суда и следствия по делу об убийстве. Независимые не организовали ни одного массового собрания рабочих.

Наиболее мощным выступлением берлинского пролетариата в связи с убийством были похороны К. Либкнехта, состоявшиеся 25 января. Либкнехта хоронили вместе с 33 жертвами январских боёв на кладбище в Фридрихсфельде. Правительство запретило хоронить К. Либкнехта на центральном кладбище Берлина, в Фридрихсхайме, где обычно хоронили выдающихся людей нации. Были приняты чрезвычайные меры, чтобы не допустить превращения похорон в демонстрацию берлинского пролетариата. Накануне похорон, поздно ночью, правительство сообщило организаторам похорон о своём решении опечить войсками и закрыть для демонстрантов всю центральную часть города. В день похорон город с самого утра напоминал военный лагерь. У Бранденбургских ворот стояли две пушки, нацеленные на шоссе. Центральная часть Берлина и многие кварталы северной части города были оцеплены солдатами. Ангальтский вокзал был занят войсками. Трамвайное движение было прекращено, поезда метро в центре города не останавливались. На Вильгельмштрассе висел плакат с уже знакомым берлинцам предупреждением: «Стой! Кто пойдёт дальше, будет расстрелян»³¹. Все, желавшие попасть на похороны,

выражавших возмущение зверским преступлением и чувства симпатии к погибшим. Редакция объявляла, что по техническим причинам она не может поместить эти резолюции.

³⁰ ИМЭЛ. Архив К. Либкнехта.

³¹ Описание чрезвычайных мер правительства 25 января 1919 г., в день похорон К. Либкнехта, заимствовано нами из газет: «Berliner Tageblatt» от 25 января 1919 г. и

вынуждены были добираться к новому месту сбора—на Буловскую площадь—далёкими окольными путями. Когда колонны рабочих, не знавших о перемене места сбора, появились в центре города, их разгоняли солдаты. Однако, несмотря на все эти чрезвычайные меры, массы берлинских рабочих вышли в этот день на улицы, чтобы почтить память своего любимого вождя К. Либкнехта. Буловская площадь не могла вместить всех явившихся на похороны, и рабочие большими массами отправлялись на кладбище самостоятельно. Здесь были депутации рабочих берлинских предприятий, депутаты солдатских советов многих войсковых частей Берлина и его пригородов, делегации от пролетариата Лейпцига, Мюнхена, Штутгарта, Магдебурга, Дортмунда, Гамбурга и посланцы от революционных матросов всех германских портов.

Возмущение широких рабочих масс вынудило правительство разрешить привлечь к участию в расследовании обстоятельств убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург двух представителей от так называемого Центрального совета и двух — от Исполнительного комитета советов Берлина. В качестве таковых были привлечены независимцы Пауль Вегман и Оскар Руш (от Исполнительного комитета) и правый социал-демократ Гуго Струве (от Центрального совета)³².

Командование гвардейской кавалерийской дивизии сделало попытку покончить с расследованием по делу К. Либкнехта следующим заявлением, опубликованным 18 января во многих газетах: «Медицинское обследование установило, что К. Либкнехт убит тремя выстрелами сзади. Дело с юридической стороны полностью выяснено. Расстрел при попытке к бегству следует признать законным»³³. Это заявление имело своим следствием появление показаний ряда свидетелей, очевидцев убийства, которые являлись в редакцию газеты «Freiheit» и в Исполнительный комитет совета Берлина и опровергали вымыслы командования дивизии³⁴.

Через три дня штаб дивизии был вынужден взять обратно своё заявление о медицинском заключении, как сделанное преждевременно, ещё до вскрытия тела. Вина за опубликование заявления была возложена на офицера штаба, который передал газетам материал якобы без ведома начальства.

Правительство и командование дивизии тем временем отстранили военно-судебного советника Куртцига, которому было первоначально поручено вести следствие, и заменили его более подходящим для осуществления их целей человеком, военно-судебным советником Иорнсом. О причинах своего

отстранения Куртциг рассказал в 1929 г. на процессе Иорнса следующее: «В самом начале следствия я приказал арестовать капитан-лейтенанта Пфлуг-Гартунга и оберлейтенанта Фогеля... Я был уже тогда убеждён в тяжёлой вине офицеров»³⁵. Иорнс немедленно освободил из-под ареста Пфлуг-Гартунга и Фогеля.

С 18 по 21 января, пока шли выборы и подводились итоги голосования в Национальное собрание, правительство воздерживалось от дальнейших заявлений о ходе расследования по делу об убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург. 21 января «Vorwärts» опубликовала медицинское заключение о результатах вскрытия тела К. Либкнехта, снабдив его комментариями командования дивизии. В нём утверждалось, что по К. Либкнехту было сделано 3 выстрела: 1 — в грудную клетку, простреливший лёгкие, и 2 — в голову. Стреляли сбоку, слева направо, с расстояния не ближе 25 сантиметров. Следов тяжёлого ранения от удара тупым предметом будто бы обнаружено не было³⁶. Под этим заключением подписался независимец Вегман.

Отношение независимцев к этому «медицинскому заключению» лишней раз подчёркивает двойственную трусливую политику, занятую ими в вопросе о раскрытии истинных виновников убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург. Ещё 17 января в газете «Freiheit» были опубликованы выводы комиссии известных берлинских врачей, производивших осмотр тела К. Либкнехта по поручению Исполнительного комитета советов Берлина. Эти выводы в корне расходились с названным медицинским заключением³⁷. «Freiheit» потребовала тогда, чтобы государственное вскрытие произвели врачи, рекомендованные коммунистами и независимцами. Это требование не было выполнено правительством. Однако, несмотря на это, независимцы решили присутствовать при вскрытии, и представитель подписал официальный протокол, а лидер независимцев Гаазе, тоже присутствовавший при вскрытии, не обмолвился по этому поводу ни одним словом протеста. Между тем именно медицинское заключение по вскрытию тела, к которому было затем присоединено заключение стрелковых экспертов, послужило формальным юридическим основанием для выгораживания преступников, виновных в убийстве К. Либкнехта.

В течение длительного времени правительство не делало каких-либо официальных сообщений о ходе следствия, а «Vorwärts» старалась отвлечь от него общественное внимание громкими процессами над участниками январской борьбы.

Всё это время независимцы в своей печати продолжали опротестовывать решение правительства, согласно которому расследованием занимался военно-судебный орган, и повторяли выдвинутое ими в первые же дни после убийства требование об учреждении

«Freiheit» от 26 января 1919 года. ИМЭЛ. Архив К. Либкнехта. Папка газетных вырезов.

³² Вторым представителем от Центрального совета должен был быть правый социал-демократ Герман Мюллер, но он отказался участвовать в расследовании.

³³ «Vorwärts» № 31—32 от 18 января 1919 года.

³⁴ «Freiheit» № 31 от 17 января 1919 года.

³⁵ «Rote Fahne» № 92 от 21 апреля 1919 года.

³⁶ «Vorwärts» № 37 от 21 января 1919 года.

³⁷ «Freiheit» № 30 от 17 января 1919 года.

для этой цели особой комиссией из представителей всех социалистических партий³⁸.

Газета «Freiheit» обвиняла в причастности к убийству только военные инстанции, оставляя вне всяких подозрений шейдемановцев. Орган независимцев полагал, что можно и нужно их привлечь к участию в расследовании.

Незвизрая на протесты независимцев, правительство Эберта — Шейдемана не изменило своего первоначального решения, оставило расследование дела об убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург в руках военного суда гвардейской кавалерийской дивизии под руководством командира дивизии генерал-лейтенанта фон Гоффмана. Официально правительство ссылалось при этом на то, что в Германии ещё действует военно-уголовный кодекс вильгельмовских времён, один из параграфов которого гласил: «Ни один военный преступник не может быть освобождён от суда своего законного судьи, а таковым для лиц военного звания может быть только военный судья». До середины февраля расследование велось в глубокой тайне и в печать не проникало никаких разоблачительных материалов. Вскоре и «Freiheit» перестала печатать свои требования о создании особой комиссии. При молчаливом содействии независимцев правительство намеревалось предать всё дело забвению; этому, однако, помешала «Rote Fahne», привлекая общественное внимание к делу об убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург.

3 февраля возобновился легальный выход центрального органа компартии. В первом же номере газета обратилась с призывом ко всем свидетелям, знающим что-либо об обстоятельствах убийства, о бесчинствах и насилиях, чинимых реакцией, сообщить об этом редакции. «Свидетели, выходите!» — гласил этот призыв, повторявшийся в «Rote Fahne» из номера в номер, каждый раз подкрепляемый всё новыми примерами и яркими сопоставлениями. «В то время как правительственные судебно-следственные органы развили кипучую деятельность в Моабите, где ускоренными темпами ведётся судебное разбирательство дел заключённых, привлечённых к ответственности за участие в январской борьбе и почти ежедневно выносятся суровые приговоры, в отеле Эден, в военном суде гвардейской кавалерийской дивизии колёса юстиции вертятся медленно, а порой совсем стоят... О подстрекателях к убийству никто не говорит», — писала «Rote Fahne» 3 февраля. 12 февраля газета в обширной статье, озаглавленной «Преступление и преступники», опубликовала детальное изложение обстоятельств, при которых были убиты К. Либкнехт и Р. Люксембург.

Шаг за шагом, начиная с момента незаконного ареста, совершённого без ордера отрядом гражданского ополчения Вильмерсдорфа и кончая расстрелом К. Либкнехта в Тиргартене, убийством Р. Люксембург в автомобиле

и потолчением её трупа в Ландверском канале, «Rote Fahne» раскрыла омерзительную картину зверского убийства вооружёнными до зубов офицерами своих беззащитных жертв. Её выводы, основанные на собранном редакцией огромном документальном материале, с железной логикой приводили к заключению о том, что убийство явилось результатом строго продуманного заговора, и пригвождали к позорному столбу главного исполнителя заговора — штаб гвардейской кавалерийской дивизии, — а также её многочисленных влдохновителей и пособников из лагеря буржуазии и шейдемановцев.

Разоблачения «Rote Fahne» заставили представителей Центрального совета и Исполнительного комитета, привлечённых к участию в расследовании дела, раскрыть наконец перед общественностью преступный ход следствия, направленного не к раскрытию, а к затемнению дела и к выгораживанию преступников и их подстрекателей. 16 февраля они опубликовали в газетах своё заявление с отказом от дальнейшего участия в ведении следствия. Заявление, подписанное всеми тремя представителями: Вегманом, Руш и Струве, — содержало подробное описание хода следствия, равно как и описание тщетных попыток представителей советов оказать на него какое-либо влияние. Военно-судебный советник Йорнс беспрерывно чинил препятствия участию представителей советов в расследовании. Им разрешалось присутствовать на допросах только с согласия допрашиваемых. Первоначально им даже было запрещено задавать вопросы допрашиваемым. Йорнс разрешил им это только после решительных протестов с их стороны. Направленный представителями советов 23 января запрос суда о допущении к участию в следствии адвоката, представлявшего интересы семьи Р. Люксембург, остался без всякого ответа.

Предложения и повторные требования представителей советов ещё до вскрытия тела К. Либкнехта арестовать ряд обвиняемых неизменно отклонялись Йорнсом. Письменное обращение представителей к генералу Гоффману по этому же вопросу также осталось без всякого ответа. К заявлению представителей был приложен ряд документов из их переписки с военным судом дивизии и с правительством. Цинизм и лицемерие официальных материалов, подписанных Эбертом и имперским министром юстиции социал-демократом Ландсбергом, превзошли всякие пределы. Так, например, 25 января, отвечая отказом на запрос представителей советов о передаче расследования особой комиссией, Эберт и Ландсберг выдвинули следующие мотивы: «Особая комиссия не могла бы заменить обыкновенную судебную инстанцию, а должна была бы действовать параллельно с ней. Они должны были бы сталкиваться в работе, и это могло бы привести к затемнению дела...»³⁹.

Представители советов лично явились в Веймар для доклада правительству. Их доклад состоялся 12 февраля в присутствии

³⁸ «Der Mord an K. Liebknecht und R. Luxemburg. Zusammenfassende Darstellung des gesamten Untersuchungsmaterials mit ausführlichem Prozessbericht», S. 16. Berlin. 1920.

³⁹ «Der Mord an K. Liebknecht und R. Luxemburg Zusammenfassende Darstellung des gesamten Untersuchungsmaterials mit ausführlichem Prozessbericht», S. 26.

Шейдемана и Носке. В ответ на претензии представителей советов Ландсберг изрёк два юридических принципа: «Высший правовой принцип не допускает вмешательства, когда дело ещё находится в процессе расследования»; «...ни один обвиняемый не может быть освобождён от суда своего законного судьи»⁴⁰. С помощью этих двух произвольно и незаконно применённых к данному случаю формул буржуазной юстиции Ландсберг ответил на разоблачения преступной деятельности военного суда гвардейской кавалерийской дивизии. Отстаивая эти «принципы», Ландсберг и шейдемановское правительство «забыли» о другом принципе буржуазной юстиции, грубо попранном в этом деле, — это принцип: «Никто не может быть судьёй в своём собственном деле». В соответствии с этим принципом данное дело не могло рассматриваться военным судом гвардейской кавалерийской дивизии, так как предметом расследования — при добросовестной постановке дела — должны были стать действия командования дивизии.

Через четыре дня после приёма правительством представителей советов «Vorwärts» посвятила обширную статью делу Люксембург — Либкнехта, в которой главным предметом обсуждения являлось отношение социал-демократии к военному судопроизводству и комментировались юридические принципы, изложенные Ландсбергом. «Правительство на страже законности», — гласил основной вывод этой статьи. Статья заканчивалась выпадами против спартаковцев⁴¹.

Коммунистическая партия с неослабевающим напором продолжала вести начатую кампанию по раскрытию истинных виновников убийства. 19 февраля в газете «Rote Fahne» был помещён портрет солдата Рунге, местонахождение которого всё ещё не было обнаружено следственными органами. 26 февраля «Rote Fahne» открыла и местонахождение Рунге: 8-й гусарский полк, 5-й эскадрон, расположенный в Басдорфе.

Срывая маску с махинаций судебного следователя Иорнса, ведя борьбу против военного суда, компартия выдвинула требование учреждения революционного трибунала. В воззвании компартии к рабочим и солдатам Германии говорилось: «Революционный трибунал должен быть избран рабочими крупных предприятий Берлина»⁴².

С выходом представителей Исполнительного комитета и Центрального совета из состава следственной комиссии независимцы почти совсем перестали интересоваться дальнейшим ходом следствия и прекратили разоблачительно-протестующую кампанию по этому вопросу.

Со второй половины февраля в буржуазной печати прекратилась публикация каких-либо сообщений о ходе следствия. Только 3 марта под влиянием огромного возбуждения масс по всей Германии, вызванного разразившейся всеобщей забастовкой, суд гвар-

дейской кавалерийской дивизии счёл необходимым официально известить о том, что по его приказу арестованы офицеры, имевшие отношение к делу К. Либкнехта и Р. Люксембург. Передавая это извещение, суд подчеркнул, что арест офицеров не является следствием всеобщей забастовки. Буржуазная пресса, передавая сообщение об аресте офицеров, тоже наперебой доказывала, что арест произведён до всеобщей забастовки. Такое настойчивое подчёркивание свидетельствовало как раз об обратном. Среди лозунгов, выдвинутых компартией 1 марта в связи со всеобщей забастовкой, наряду с требованием амнистии жертвам январских событий, было и требование об аресте убийц К. Либкнехта и Р. Люксембург. Правительству пришлось предпринять арест убийц для успокоения масс.

После предательского срыва всеобщей забастовки, после нового кровавого подавления берлинского пролетариата, в результате спровоцированных контрреволюцией мартовских боёв в ходе следствия опять наступило затишье. Солдат Рунге был арестован только в середине апреля, хотя его местонахождение было всё время хорошо известно штабу дивизии, а значит, и суду. Таким образом, Иорнс допустил здесь грубейшее нарушение следственных норм и порядков. Во избежание неожиданных осложнений Рунге доставили в тюрьму только тогда, когда уже был сконструирован весь судебно-следственный материал, когда всё уже было готово к тому, чтобы подвести последнюю черту по делу Либкнехта — Люксембург и снять с обсуждения вопрос, который, как это признавал в «Vorwärts» Ландсберг, стал «источником возмущения многих».

В конце апреля газеты сообщили, что судебный процесс по делу об умерщвлении К. Либкнехта и Р. Люксембург назначен на 8 мая.

Момент для проведения судебного процесса был выбран весьма обдуманно. Первое объявление о дате судебного процесса появилось в газетах буквально накануне того дня, когда из Берлина в Париж отправился специальный поезд с германской делегацией для обсуждения мирного договора с Антантой, а первое заседание суда открылось на второй день после того, как проект мирного договора был вручён германской делегации. Правительство надеялось, что, обессиленный и обескровленный после мартовских боёв, берлинский пролетариат не сможет ответить на комедию суда массовыми революционными выступлениями, а острый интерес к такому кардинальному вопросу политической жизни страны, каким являлись условия мирного договора, отвлечёт внимание масс от судебного процесса.

Вместе с тем оправдательным приговором убийцам правительство хотело продемонстрировать перед союзниками силу германского милитаризма на внутреннем фронте классовой борьбы, что должно было побудить последних к большей уступчивости.

Судебный процесс открылся 8 мая, в 9 часов утра, в Большом зале Уголовного суда

⁴⁰ Там же, стр. 32.

⁴¹ «Vorwärts» № 86 от 16 февраля 1919 года.

⁴² «Der Meuchelmord an Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg (Tatsachenmaterial)», S. 29—31. Petrograd. 1920.

в Моабите. Председателем суда был назначен военно-судебный советник Эргардт, судебными заседателями — военно-судебный советник Майер, капитан-лейтенант Канарис, исполняющий обязанности офицера Эрнст⁴³, рядовой кирасир Химилевский. Для того, чтобы создать впечатление, что и военному судопроизводству не чужды демократические нововведения революционного времени, из четырёх заседателей суда двое были нижними чинами, и все заседатели были не назначены главным судьёй, а избраны так называемым «советом доверенных» гвардейского кавалерийского корпуса⁴⁴.

Правительство не могло, однако, полностью освободиться от чувства страха за поведение масс во время судебного процесса. Уже сама внешняя обстановка, царившая внутри и за пределами здания суда, свидетельствовала о большой тревоге властей, опасавшихся взрыва революционного возмущения масс. Весь район, прилегающий к зданию суда, был оцеплен войсками, самое здание было окружено проволочными заграждениями, у которых дежурили вооружённые всадники. Солдаты гвардейского кавалерийского корпуса в стальных шлемах, с ручными гранатами заполняли всё восточное крыло здания, стояли у входа и на лестнице, тщательно осматривая каждого входившего в поисках оружия. Обыску подвергались не только гости, но и свидетели. Вход в зал суда разрешался только по специальным пропускам. «При раздаче пропусков,— констатировала с удовлетворением «Berliner Tageblatt», — была проявлена мудрая умеренность. Зал наполнен, но не переполнен, галлерей совсем пусты»⁴⁵. То же самое отмечала и «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», подчёркивая, что «сотни людей тщетно пытались проникнуть в зал суда. Американцы и англичане предлагали за билеты по 4000 — 5000 марок»⁴⁶.

Необычный вид имела обстановка внутри зала заседания суда. Обвиняемые вошли в зал суда не через обычную закрытую комнату, которая ведёт в тюрьму, а вышли из судейской комнаты. Сияя орденами, с весёлыми и довольными лицами, оживлённо беседуя друг о другом, обвиняемые офицеры переступили порог зала суда и заняли места на скамье подсудимых. У одного из обвиняемых, капитана Веллера, было сохранено личное оружие. Во время перерывов обвиняемые свободно покидали свои места на скамье подсудимых, переходили в зал для гостей и обменивались приветствиями со

своими друзьями, родственниками и знакомыми⁴⁷.

Суд заслушал биографии обвиняемых, в которых были подробно перечислены боевые заслуги последних в мировой войне, и характеристики, дававшие высокую оценку их моральных и деловых качеств. Эти характеристики, составленные штабом гвардейской кавалерийской дивизии, снабжённые подписью начальника штаба дивизии капитана Пабста, особенно подчёркивали блестящие качества обвиняемых, проявившиеся за время их службы в штабе дивизии с января 1919 г., т. е. в период террористической деятельности дивизии против берлинских рабочих⁴⁸.

Характерной особенностью формулировок обвинительного заключения была их крайняя неопределённость и двусмысленность, заранее открывавшая путь для всякого рода толкований. Обвинения в убийстве и в нарушении правил караульной службы стояли рядом, как бы сопутствуя друг другу, тогда как на самом деле одно исключало другое.

Первым допросу был подвергнут солдат Рунге. Свои признания о том, как он прикладом наносил удары К. Либкнехту и Р. Люксембургу, Рунге начал весьма грубо состряпанной выдумкой. Он рассказал суду, что однажды, когда он был рабочим на заводе Сименса, ему пришлось иметь столкновение с обоими спартаковскими вождями; один из них, приставив револьвер к его голове, требовал от него немедленного прекращения работы и присоединения к забастовке. Суд даже не счёл необходимым подвергнуть сомнению эту наглую и грубую выдумку Рунге, не попросил его назвать свидетелей, которые могли бы подтвердить этот факт. Суд не счёл нужным подвергнуть сомнению и другой вымысел Рунге о том, что свои фальшивые документы, с помощью которых он после убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург бежал из Берлина и поступил в другой добровольческий отряд, он будто бы купил у спартаковцев. Допрос Рунге вёлся весьма осторожно. Ему задавались только наводящие вопросы, которые содержали уже и желательный ответ. Рунге оставалось только повторять его либо ответить лаконичными «да», «нет». Больше всего внимания суд уделил выяснению состояния здоровья Рунге. Суд стремился доказать, что хотя Рунге и не находился в момент совершения преступления в состоянии невменяемости, но он является недоразвитым в духовном отношении субъектом, к которому нельзя отнести как к душевно-нормальному человеку. Такое изображение личности Рунге нужно было для того, чтобы вынести ему обвинительный приговор и, отыгравшись на нём, создать видимость того, что «преступление наказано».

⁴³ Во время войны в связи с нехваткой офицеров в германской армии допускалось назначение унтер-офицеров на должности офицеров в качестве исполняющих обязанности офицеров.

⁴⁴ Гвардейская кавалерийская дивизия к этому времени успела настолько увеличиться, что была переименована в корпус.

⁴⁵ «Berliner Tageblatt» от 8 мая 1919 года. ИМЭЛ. Архив К. Либкнехта. Папка газетных вырезок.

⁴⁶ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» от 8 мая 1919 года. ИМЭЛ. Архив К. Либкнехта. Папка газетных вырезок.

⁴⁷ «Freiheit» № 219 от 8 мая 1919 года.

⁴⁸ Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей. «Hauptverhandlung in der Strafsache wegen Ermordung von Dr. Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg vor dem Feldkriegsgericht des Garde-Kavallerie (Schützenkorps). Stenogramme des Parlamentredakteurs», Bd. 1, S. 46—47. Erster Verhandlungstag.

Допрос остальных обвиняемых вёлся в тоне дружеской беседы; ни обвинитель, ни судьи не пытались выявлять противоречивые моменты в их показаниях. Когда в ходе допроса обнаружилось расхождение с зафиксированными в протоколах допроса показаниями обвиняемых во время следствия, защитник Гриншпан заявил возражения против того, чтобы на суде были зачитаны выдержки из этих протоколов. Свои возражения он мотивировал тем, что военный суд не может признать законным показания обвиняемых во время предварительных допросов, при которых присутствовали третьи лица — представители от Исполнительного комитета и от Центрального совета. Председатель обвинения Иорнс выразил в этом вопросе свою солидарность с защитником, хотя аргументация защитника, с точки зрения процессуальной, была смехотворной, ибо участие каких бы то ни было лиц в предварительном следствии не давало оснований отказываться от оглашения актов предварительного следствия. Даже после того, как суд, удалившись на совещание, разрешил зачитывать на суде выдержки из протоколов допроса, защитник и обвинитель весьма словоохотливо продолжали обмен мнений по этому пункту, обнаружив трогательное единодушие во взглядах. Оба сошлись на том, что выдержки из протоколов зачитываются на суде не для того, чтобы подчеркнуть расхождение в показаниях обвиняемых, а лишь для того, чтобы облегчить последним вспомнить все детали дела, подкрепить их память.

Но противоречивых моментов в показаниях обвиняемых было так много, что они всплывали сами собой, помимо воли обвинителя и судей.

Особенно много расхождений и противоречий было в показаниях Фогеля, убийцы Р. Люксембург. Он отказался от своего первоначального утверждения, что труп Р. Люксембург был «похищен спартаковцами», и признался в том, что с помощью своих спутников сам организовал потопление трупа Р. Люксембург в Ландверском канале. Фогель привёл в своё оправдание следующий мотив: «Я думал о том, чтобы не очернить дивизию, которая являлась в то время единственной опорой правительства. Именно поэтому я утверждал, что не видел ударов, нанесённых Рунге, уверял, что это совершило не военное, а гражданское лицо... Я изобразил дело так, как будто труп Р. Люксембург был похищен гражданскими лицами. Я это делал для того, чтобы никто из служащих дивизии не был обвинён»⁴⁹. Суд не зафиксировал никаких противоречий в показаниях обвиняемых. Когда же эти противоречия тем не менее обнаруживались, обвинитель и судьи старательно сглаживали их рассуждениями о возможных стилистических неточностях протокола и путём наводящих вопросов помогали обвиняемым выпутываться.

При рассмотрении медицинского заключения судьи даже не остановили своего вни-

мания на диаметральном расхождении между медицинским заключением по внешнему осмотру тела и медицинским заключением по вскрытию тела и не задали экспертам ни одного вопроса по этому поводу.

Допрашивая свидетелей, обвинитель и судьи не обнаружили никакого желанного распутать противоречия в их показаниях и добиться правдивых признаний. Председатель суда во время допроса Линднера и Меринга⁵⁰ дважды напомнил им об их праве отказаться от дачи показаний, которые могли бы грозить их собственной безопасности. Даже когда Линднер явно проговорился, выдав себя и ещё кого-то, кто своевременно известил отряд Вильмердорфского ополчения и направил его по верному адресу за К. Либкнехтом и Р. Люксембург, обвинитель и судьи не пожелали воспользоваться этим важным признанием, чтобы через него добратся до того центра, куда могли привести нити заговора об убийстве. Линднера перебили энергичным криком в форме вопроса⁵¹. Допрос капитана Пабста⁵² был проведён на суде в дружески-почтительном тоне. Вежливые подсказывания и напоминания помогали ему в затруднительных случаях, когда в его показаниях сами собой обнаруживались нежелательные противоречия. Но как ни старались судьи и как ни помогало им полное самообладание и спокойствие Пабста, и он не избег общей участи и не раз путал и противоречил самому себе. Так, например, то он утверждал, что Р. Люксембург была доставлена в отель уже после того, как Пабсту стало известно о судьбе К. Либкнехта, то вдруг отказывался от этого утверждения, ссылаясь на неспособность точно определить время доставки в отель Р. Люксембург. Обвинитель и судьи прошли мимо противоречивых моментов в показаниях Пабста.

Большинство свидетелей служило в гвардейской кавалерийской дивизии и было приглашено исключительно с целью подкрепить обвинения обвиняемых. Даже эти свидетели, когда речь касалась эпизодов и фактов, в отношении которых они не были инструкторы, давали более или менее близкое к истине их изображение.

Но на судебный процесс пришли другие свидетели, очевидцы убийства, те, которые в своё время откликнулись на призыв «Rote Fahne». Из их показаний на суде возникла картина жестокого, коварного убийства и усилий штаба гвардейской кавалерийской дивизии замазать следы преступления.

Солдат гвардейской кавалерийской дивизии Грандтке вместе с другими солдатами был выделен в помощь обер-лейтенанту Фогелю для сопровождения Р. Люксембург. На суде Грандтке показал⁵³, что Р. Люксембург была застрелена лейтенантом Фогелем. Всё внимание судей было направлено на то,

⁴⁹ Солдаты буржуазного «гражданского ополчения» Вильмерсдорфа (Bürgerwehr), арестовавшие К. Либкнехта и Р. Люксембург.

⁵¹ «Hauptverhandlung in der Strafsache...» Bd. II, S. 213.

⁵² Там же, стр. 193—213.

⁵³ Там же. Т. 3, стр. 571—598.

⁴⁹ «Hauptverhandlung in der Strafsache...» Bd. I, S. 151—160.

чтобы поколебать в Грантке уверенность в том, что он правильно установил личность стрелявшего. Но Грантке твёрдо стоял на своём, сказав, что обер-лейтенант Фогель был ему хорошо знаком до того. Председатель суда обратился тогда к представителям прессы с просьбой воздержаться от включения показаний Грантке в их отчёты, дабы не оказать этим воздействия на показания других свидетелей.

Всё сказанное Грантке в точности подтвердил солдат Вебер, добавив к этому ещё и описание того, как он вместе с Фогелем, по приказу последнего, спустил тело Р. Люксембург в канал. Вслед за Вебером снова был допрошен Грантке. Их обоих подвергли настоящему перекрёстному допросу, в котором председатель суда, обвинитель и защитник старались перешеголять друг друга в умении сбить и запутать свидетеля. Все трое стремились к достижению одной и той же цели — поколебать свидетелей в вопросе о том, кто стрелял в Р. Люксембург, и создать впечатление, что это мог быть не Фогель, а неизвестный военный, сидевший в машине.

Показания этих двух свидетелей суд стремился опорочить противопоставлением им показаний шофёра Яншкова и его помощника Галля. Ещё до допроса последних председатель суда позаботился о создании к ним особого отношения доверия, обратившись к ним с просьбой не бояться и говорить только правду, невзирая на то, что они получили угрожающие письма. Яншков был не просто шофёр, а владелец автомашин и, как он сам это подтвердил, состоял в хороших отношениях с обер-лейтенантом Фогелем, который до убийства два дня подряд развезжал на его автомашине из отеля Эден в Вилмерсдорф. Из показаний Яншкова и Галля выяснилось, что в отличие от других солдат из отряда Фогеля они были допрошены следователем на следующий же день после убийства, о чём их предупредил лейтенант Фогель. Оба они повторили тогда вымышленную Фогелем лживую историю о похищении Р. Люксембург спартаковцами, от которой они, следуя примеру Фогеля на суде, отказались. Оба доказывали на суде, что обер-лейтенант Фогель не стрелял в Р. Люксембург.

На судебный процесс охотно допускались новые свидетели, показывавшие в пользу обвиняемых. Но стоило заявить о себе свидетелям другого рода, очевидцам, выразившим своё возмущение по поводу лживого изображения событий и желавшим дать свои показания, как суд отклонял их допрос на том основании, что дело уже достаточно выяснено и дополнительные свидетели больше не нужны⁵⁴.

Речь представителя обвинения Йорнса начиналась словами: «Когда 16 января дневные газеты принесли весть о насильственной смерти К. Либкнехта и Р. Люксембург, то многие немцы подумали, а иные сказали громко: «Слава Богу, что мы наконец избавились от этих людей»⁵⁵. Далее обвини-

тель направил стрелы своего красноречия против всех тех, кто пытался критиковать ход следствия и выступать против военного судопроизводства как такового. Перейдя затем к изложению сути дела, обвинитель прежде всего остановился на роли обвиняемого Рунге. Он считал доказанным, что Рунге нанёс удары прикладом обном арестованным, при этом он настаивал на утверждении, что Рунге руководило его личное озлобление против спартаковцев и их вождей, а также угрозы гражданских лиц, уплативших Рунге 50 марок. Йорнс полностью исключал возможность существования какой-либо связи или сговора между Рунге и офицерами. Свои доказательства об обстоятельствах убийства К. Либкнехта обвинитель построил на медицинском заключении по вскрытию тела, которое, по его мнению, не исключало возможности попытки Либкнехта к бегству. Вопрос о виновности обвиняемых в убийстве он свёл к вопросу о том, должны ли были конвоиры применять оружие при бегстве арестованного, и заключил, что они могли этого не делать, так как шесть вооружённых сильных мужчин могли задержать бегущего, явно ослабшего вследствие ранее полученной раны К. Либкнехта и не прибегая к оружию. Признав для видимости виновность обвиняемых в намерении убить К. Либкнехта, Йорнс тут же подчеркнул, что сговора обвиняемых об убийстве не существовало, и ловко сконструировал юридическое обоснование оправдания обвиняемых в убийстве К. Либкнехта.

По делу об убийстве Р. Люксембург обвинитель применил в своей речи тот же способ доказательства: сначала он установил виновность солдата Рунге, для которого старался найти достаточное количество смягчающих вину обстоятельств; затем он сформулировал обвинение против обер-лейтенанта Фогеля, после чего немедленно построил целый ряд доводов, которые должны были служить юридическим обоснованием для оправдания Фогеля, или, по крайней мере, для весьма значительного смягчения его вины.

Обвинительный материал в отношении других обвиняемых был составлен таким образом, чтобы, с одной стороны, всячески смягчить их вину, а с другой стороны, изобразить их действия как частные акты, не находящиеся в какой-либо связи с действиями других обвиняемых. О роли Пабста Йорнс ни словом не обмолвился в своей обвинительной речи.

Обвинитель требовал применения к обвиняемым следующих мер наказания: «Капитана Гейнца фон Пфлуг-Гартунга и лейтенанта Шульца оправдать. Солдата Рунге приговорить к 3 годам и 4 месяцам тюремного заключения и 2 неделям ареста. Капитан-лейтенанта Горста фон Пфлуг-Гартунга, обер-лейтенанта Ритгена, лейтенанта Штиге и лейтенанта Липмана приговорить к смертной казни. Обер-лейтенанта Фогеля приговорить к 5 годам и 1 месяцу тюремного заключения и 6 неделям ареста, капитана Веллера — к 3 месяцам тюремного заключения»⁵⁶.

⁵⁴ «Hauptverhandlung in der Strafsache...» Т. 4, стр. 602.

⁵⁵ Там же. Т. 6, стр. 936.

⁵⁶ Там же. Т. 6, стр. 968—969.

Требование смертного приговора для четырёх обвиняемых находилось в явном противоречии с обвинительным материалом в том его виде, как он был представлен обвинителем. Это противоречие ещё более подчёркивалось противопоставлением двух крайностей: наряду со смертной казью для одних преступников весьма малые сроки тюремного заключения для других. Это был только хитрый приём, рассчитанный на то, чтобы обмануть общественное мнение и дать повод буржуазной прессе расписывать на все лады объективный ход суда и строгое беспристрастие обвинителя. Недаром требования Йорнса не вызвали и тени тревоги на лицах подсудимых, которые единодушно отказались от последнего слова. Приговор суда, вынесенный 14 мая 1919 г., полностью освобождал от наказания именно тех подсудимых, для которых обвинитель требовал смертной казни, и снизил меру наказания другим преступникам по сравнению с тем, что требовал обвинитель.

Суд приговорил: солдата Рунге — к 2 годам тюремного заключения, 2 неделям ареста, к лишению прав в течение 4 лет и к удалению из армии, лейтенанта Липмана — к 6 неделям строгого домашнего ареста, обер-лейтенанта Фогеля — к 2 годам и 4 месяцам тюремного заключения и к увольнению со службы. Капитан-лейтенант Горст фон Пфлуг-Гартунг, обер-лейтенант Ритген, лейтенант Штиге, лейтенант Шульце, капитан Рейнд фон Пфлуг-Гартунг, капитан Веллер были судом оправданы⁶⁷. Обосновывая приговор, суд подчеркнул, что солдат Рунге не имел ни сообщников, ни подстрекателей, а действовал по собственному почину, что недоказанными остались существование сговора подсудимых об убийстве К. Либкнехта и вина обер-лейтенанта Фогеля.

Оправдание убийц К. Либкнехта и Р. Люксембург было столь явным издевательством над элементарными принципами законности, что только немногие буржуазные газеты, вроде «Deutsche Tageszeitung», решились открыто выразить своё удовлетворение приговором и высказать свои приветствия освобождённым офицерам. Одна часть буржуазной прессы лицемерно сожалела о том, что суд не удалось достигнуть полного выяснения двойного преступления, и в то же время солидаризировалась с обвинителем и судьями. Другая часть за неимением более подходящих объяснений сваливала всё на бурное революционное время и заключала, что только тогда, когда всё успокоится, будет внесена ясность и по этому делу. Но все буржуазные газеты были едины в общем выводе, который гласил, что и гражданский суд, суд присяжных, не мог бы вынести по этому делу другого приговора, подчёркивая таким путём справедливость приговора и объективность, беспристрастие обвинителя и судей.

Этого общего тона буржуазной прессы в оценке приговора придерживалась и газета «Vorwärts». 15 мая газета посвятила приговору суда статью «Политика и право», в которой говорилось: «Было бы несправед-

ливо обвинять суд, здесь не было произведено нарушения законности»⁶⁸.

Единственная газета, которая могла бы выразить истинное отношение пролетариата к суду и приговору над убийцами К. Либкнехта и Р. Люксембург, — центральный орган компартии Германии «Die Rote Fahne» — была в это время запрещена буржуазно-юнкерской социал-демократической реакцией. Она не выходила с 5 мая по 13 декабря 1919 года.

В массах берлинского пролетариата суд и приговор вызвали чувство глубокого возмущения. Рабочие в знак протеста объявляли однодневные забастовки, устраивали собрания, на которых выносили резолюции, требовавшие учреждения Революционного трибунала и нового пересмотра дела. Это движение на берлинских предприятиях достигло большого размаха, о чём говорили ежедневные сообщения газеты «Freiheit», которая, однако, ограничивалась лишь помещением перечня предприятий, на которых происходили собрания и забастовки протеста, и ничем не выразили своего отношения к движению рабочих. Независимцы уже на другой день после объявления приговора выдвинули лозунг, который, по их мнению, открывал возможность социал-демократам восстановить поруганную справедливость. Таким лозунгом был отказ правительства от утверждения приговора суда. Газета «Freiheit» внушала массам, что члены правительства, социал-демократы, откажутся утвердить приговор суда.

Тем временем под покровом того самого правительства веймарской коалиции, к которому продолжали апеллировать независимцы, свершилось новое издевательство над принципами законности. Обер-лейтенант Фогель бежал 17 мая из тюрьмы и скрылся в Голландию. Вскоре стали широко известны отдельные обстоятельства бегства Фогеля, которые говорили о причастности к этому делу официальных органов власти и гвардейского кавалерийского корпуса. Расследование обстоятельств этого нового беззакония было поручено олять-таки гвардейскому кавалерийскому корпусу и, конечно, не дало никаких результатов.

Массовое движение протеста на берлинских предприятиях после этих новых фактов усилилось. 26 мая резолюцию протеста с требованием учреждения Революционного трибунала вынесло собрание железнодорожников и собрание служащих Берлина; рабочие и служащие многих берлинских предприятий объявили однодневную забастовку протеста⁶⁹. Рабочие независимо от своей партийной принадлежности выражали свой гнев и возмущение в единодушных и одинаковых резолюциях.

Чтобы отвлечь внимание рабочих, шейдемановцы затеяли юридический спор с независимцами о том, кто же должен утверждать приговор. Независимцы доказывали, что это право, принадлежавшее раньше прусскому королю, должно перейти после революции к президенту республики, т. е. Эберту; они явно рассчитывали, что Эберт не решится

⁶⁸ «Vorwärts» от 15 мая 1919 года.

⁶⁹ «Freiheit» № 259 от 30 мая 1919 года.

⁶⁷ Там же. Т. 6, стр. 1035—1036.

взять на себя моральную ответственность за это дело перед лицом рабочего класса. Шейдемановцы доказывали, что это право принадлежит прусскому Совету министров. Правительство затягивало спор, надеясь дождаться такого момента, когда дело об убийстве пролетарских вождей будет предано забвению.

Когда волна протеста спала, приговор был утверждён Носке. Об этом факте было сообщено официально только в начале декабря 1919 г., когда издевательский приговор военного суда по делу об убийстве в Берлине 29 матросов вновь всколыхнул рабочие массы и на берлинских предприятиях снова поднялась волна протеста за пересмотр дела об убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург. Официальное сообщение об утверждении приговора гласило: «Так как это был приговор суда военной инстанции Берлина, то право его утверждения принадлежало верховному главнокомандующему. Утверждению предшествовала проверка материала, проведённая военными и гражданскими специалистами. Они единогласно пришли к выводу, что на основании имеющегося в наличии материала новое повторение судебного процесса не могло бы закончиться другим приговором»⁶⁰.

Если шейдемановцы сумели скрыть основные факты о своей роли и непосредственном участии в деле подготовки и осуществления ареста и убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, то их роль укрывателей убийц была продемонстрирована со всей откровенностью при проведении следствия и суда по делу об этом убийстве.

Тем не менее в 1919 г. независимцы, всем своим поведением продолжали помогать шейдемановцам укреплять в массах германского пролетариата представление о невиновности шейдемановцев в подготовке и организации убийства, в инсценировке жерасследования и комедии суда над убийцами К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Оправдательный приговор, вынесенный за преступление, организованное с такой циничностью и совершённое столь вызывающе открыто, ещё более подчеркнул соучастие в преступлении шейдемановцев. В глазах германского пролетариата и в глазах рабочих всего мира шейдемановцы продолжали оставаться палачами К. Либкнехта и Р. Люксембург. Память об убитых вождах не только не изгладилась у германского пролетариата, но служила постоянным источником революционной энергии, постоянно звала на борьбу против контрреволюционной политики шейдемановцев. Вот почему в первые годы существования Веймарской республики лидеры шейдемановцев были вынуждены предпринимать неоднократные попытки реабилитировать себя перед массами. В 1919 г. было проведено несколько судебных процедур, связанных с делом об убийстве, которые закончились либо оправдательным приговором либо издевательски малыми сроками наказания виновных.

⁶⁰ «Der Mord an Karl Liebknecht und Rosa Luxemburg», S. 55.

6 января 1920 г. Рунге в тюрьме сделал признание, которое целиком опрокидывало обвинительный приговор суда 1919 года. Прошло более двух лет прежде чем эти признания Рунге⁶¹ были использованы официальными судебными органами. Газета «Vorwärts» ни словом не обмолвилась о них.

Только в мае 1922 г., когда шейдемановцам удалось взять под своё влияние Рунге, было проведено подобие судебного процесса. На этот раз обвинение было возбуждено против лейтенанта Крулля. Круль был тот самый «неизвестный», который состоял в числе конвоировавших Р. Люксембург и имя которого Фогель отказался назвать на суде, а суд не сумел якобы обнаружить (хотя Круль в это время успешно подвизался у Носке в военном министерстве в роли агента по снабжению добровольческих войск). В 1922 г. Круль впал в немилость, совершив ряд крупных краж. Против Крулля было возбуждено обвинение в убийстве, и Рунге выступал в качестве свидетеля. Круль не отрицал своего участия в конвое Р. Люксембург. Суд приговорил Крулля к 6 месяцам лишения свободы за кражу вещей Р. Люксембург. Дело же по обвинению его в участии в убийстве Р. Люксембург прекратил за отсутствием доказательств⁶². Процесс над Крулем был нужен шейдемановцам для того, чтобы обмануть рабочие массы, создать видимость пересмотра правительства дела об убийстве и в то же время поставить под сомнение достоверность признаний Рунге⁶³.

Против других офицеров обвинение в совершении убийства не было возбуждено, министерство юстиции заявило, что это «противоречило бы однажды вынесенному по этому делу оправдательному приговору военного суда»⁶⁴. Что же касается обвинения офицеров в поощрении солдата Рунге к убийству и в оказании ему покровительства, то на запросы в рейхстаге по этому вопросу министерство юстиции отвечало, что дело всё ещё находится в стадии расследования⁶⁵. О результатах этого расследования ничего далее не сообщалось.

В 1928 г. обострившееся экономическое и внутривнутриполитическое положение Германии, рост классовых противоречий и усиление влияния коммунистической партии вынудили шейдемановцев накануне приближавшегося десятилетия со дня убийства предпринять более серьёзную попытку своей реабилитации перед рабочим классом Германии. 28 марта 1928 г. в берлинском социал-демократическом журнале «Tagebuch» появилась статья под заглавием «Коллега Иорнс», автор которой Бертольд Якоб, искусно манипулируя давно известными фактами, сваливал всю вину за убийство К. Либкнехта и

⁶¹ Признания Рунге были опубликованы в «Freiheit» 9 января 1921 года.

⁶² Gumbel E. Vier Jahre politischen Mord. S. 13. Berlin. 1922.

⁶³ Рунге показывал, что в Р. Люксембург стрелял не Круль, а Фогель.

⁶⁴ Gumbel E. Denkschrift des Reichsjustizministers zu «Vier Jahre politischen Mord», S. 13. 1924.

⁶⁵ Там же.

Р. Люксембург на военщину, а вину за то, что при расследовании истинные обстоятельства дела не были раскрыты, — на Йорнса. Допуская публикацию этих материалов в своей прессе, руководство социал-демократии больше всего рассчитывало, что Йорнс, чьи заслуги были в своё время хорошо вознаграждены (он был назначен в имперский суд на должность государственного прокурора)⁶⁶, никак не будет реагировать на статью малоизвестного автора и не станет пытаться оспаривать направленные против него обвинения. В этом случае его молчание могло бы быть истолковано как признание правильности выводов автора статьи, и цель социал-демократов была бы достигнута. Если бы Йорнс всё же решился выступить в печати или в суде с опровержением выдвинутых против него обвинений, то и в этом случае для социал-демократии создавалась бы выгодная политическая ситуация. Став в позу обличителя Йорнса, можно было ввести в заблуждение рабочие массы и внушить им, что социал-демократы непричастны к убийству и неповинны в нарушении законности при проведении следствия и суда над убийцами в 1919 году.

Случилось так, что Йорнс предьявил Борнштейну, редактору журнала «Tagebuch», обвинение в клевете. С 17 по 27 апреля в Берлине состоялся судебный процесс по этому делу. Перед социал-демократами возникла в связи с этим процессом довольно сложная задача. Надо было исключить возможность вскрытия на суде нитей, ведущих от убийц к правительству Эберта и Шейдемана, и доказать, что это правительство не покровительствовало Йорнсу и суду дивизии, а, наоборот, толкало его на правильный путь раскрытия преступления. Эта ответственная и трудная задача была возложена на ренегата Пауля Леви, того самого Леви, который перешёл в лагерь шейдемановцев и был исключён в 1921 г. из рядов коммунистической партии Германии. На суде Леви выступил номинально защитником Борнштейна, на деле — адвокатом социал-демократической партии. Воспользовавшись тем обстоятельством, что со дня судебного процесса над убийцами прошло десять лет и многие факты уже были забыты, шейдемановцы создали впечатление, будто на процессе впервые выясняются обстоятельства убийства и поведение Йорнса. На самом деле в течение 10 дней суда в основном были повторены, за небольшими добавлениями, те же самые факты, которые ещё в 1919 г. были раскрыты на страницах «Rote Fahne». Для устроителей процесса главным были не факты, восстанавливавшие подлинную картину зверского убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, и не анализ грубо-фальсификаторских приёмов следователя и обвинителя Йорнса, а демонстрация материалов, долженствовавших доказать абсолютную непричастность к убийству социал-демократов. Но судебный процесс, помимо воли его организаторов, привлёк всеобщий интерес и внимание рабочих масс именно тем, что через 10 лет воскресил в их памяти весь

ужас совершённого 15 января 1919 г. злодеяния и всю низость завершившего его акта беззакония.

На процесс явился в качестве свидетеля В. Пик. Описанная им обстановка, царившая в отеле Эден в момент прибытия и нахождения там арестованных, с неумолимой логикой опроверживала все басни о случайности ареста, о «случайно собравшей толпе» и т. д. Его рассказ со всей очевидностью подтвердил, что в отеле Эден всё было заранее подготовлено к убийству.

Выявленные на процессе новые материалы, оставшиеся в своё время неизвестными, касались почти исключительно действий самого Йорнса. Йорнс действительно предстал на процессе во всем своём омерзении и превратился из истца в обвиняемого.

В первый же день судебного процесса Пауль Леви приступил к выполнению основной задачи процесса — к доказательству невиновности правых социал-демократов. Он зачитал письмо бывшего прусского министра юстиции социал-демократа Вольфганга Гейне от 19 февраля 1919 г., направленное им имперскому министру юстиции и другим социал-демократическим министрам. Гейне настаивал в этом письме на аресте Фогеля, мотивируя тем, что протесты и недовольство тем, как ведётся следствие по делу об убийстве, принимают всё более нежелательные формы. Письмо Гейне было на следующий день опубликовано в «Vorwärts»⁶⁷. При этом отдельные места из него были выпущены. Редакция объяснила это тем, что будто бы они подверглись разрушению из-за плохой бумаги и их нельзя было прочитать. Йорнс без особого труда доказал на суде, что со стороны Гейне не только не было проявлено никакого критического отношения к тому, как велось расследование, а, наоборот, было высказано полное одобрение ему. В доказательство он напомнил, что по окончании процесса в 1918 г. его, Йорнса, по предложению того же Гейне, перевели в имперский суд и назначили на более высокую должность, а в 1926 г. сам Эберт назначил его на одну из высших прокурорских должностей в Германии. Если Гейне свидетельствовал в письменной форме, то бывший имперский министр юстиции Ландсберг явился лично в суд в качестве свидетеля. Он пытался доказать, что в своё время придал серьёзное значение разоблачениям, опубликованным в «Rote Fahne», и реагировал на них тем, что пригласил к себе Йорнса для отчёта, при этом поведение Йорнса ему весьма не понравилось. Однако Ландсберг не смог подкрепить свои слова какими-либо доказательствами и на заданный ему вопрос о том, какие были им приняты меры к тому, чтобы сменить Йорнса и изменить ход расследования, был вынужден ответить, что он в этом направлении не сделал никаких попыток⁶⁸.

То, что не удалось доказать на процессе с помощью документов и свидетелей, тщетно пытался восполнить своими толкова-

⁶⁶ Одна из высших прокурорских должностей, каких в Германии было только шесть.

⁶⁷ «Vorwärts» № 180/A91 от 18 апреля 1929 года.

⁶⁸ «Rote Fahne» № 94 от 23 апреля 1929 г.

ниями защитник Пауль Леви. В своей защитительной речи он под видом обвинения Йорнса искусно защищал социал-демократических деятелей. Пауль Леви изображал дело так, будто каждый из социал-демократических лидеров пытался влиять на Йорнса в сторону изменения характера следствия. Он не забыл при этом упомянуть и о «заслугах» Носке, который будто бы после разоблачений «Rote Fahne» обратился по телефону в штаб гвардейской кавалерийской дивизии с предложением дать отчёт о ходе следствия. Пауль Леви закончил свою речь дифирамбом германской юстиции, которая сумела преодолеть кратковременный период торжества беззакония в 1919 г. и вернулась к «нормальным условиям» работы на страже справедливости. Так говорил Пауль Леви в момент, когда его товарищ по партии Цергибель готовил очередное кровавое побоище рабочих в день приближавшейся первомайской демонстрации 1929 года.

Суд вынес Борнштейну оправдательный приговор, что означало признание виновности Йорнса в незаконном ведении следствия и суда над убийцами К. Либкнехта и Р. Люксембург. Но за этим приговором не последовало привлечения Йорнса к ответственности. Приговор по делу Йорнс—Борнштейн был вынесен 27 апреля 1929 года. Приговор по делу об убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург был вынесен 14 мая 1919 года. Через 17 дней истекала установленная германским уголовным уложением 10-летия давность для привлечения Йорнса к ответственности. Сейчас же после приговора коммунистический депутат рейхстага В. Пик и редакция «Rote Fahne» обратились к прокурору берлинского окружного суда с заявлением о привлечении Йорнса к ответственности. Прокурор ответил Пикю, что на основании закона об амнистии от 13 июля 1928 г. дело по обвинению Йорнса прекращено, так как он действовал по политическим побуждениям. Германские империалисты и их социал-фашистские агенты не хотели наказывать своего верного слугу Йорнса.

Процесс Йорнс — Борнштейн 1929 г. не оправдал надежд социал-демократов. Он не

только воскресил в памяти революционных рабочих картину жестокой расправы над их вождями, но и напомнил о палаческой роли партии шейдемановцев, которая оказала исполнителям и организаторам убийства своё высокое правительственное покровительство и обеспечила им полную безнаказанность.

Убийцы К. Либкнехта и Р. Люксембург остались на свободе. Их укрыла от заслуженной кары юстиция Веймарской республики, пользуясь покровительством которой они вскоре развернули активную фашистскую деятельность⁶⁹.

Материалы суда и следствия над убийцами К. Либкнехта и Р. Люксембург с неопровержимой силой доказывают, что шейдемановцы, взявшие на себя в январские дни 1919 г. роль палачей берлинского пролетариата, были прямыми участниками подготовки и осуществления зверского предательского убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Выяснение вопроса о прямом участии германских социал-демократов в убийстве К. Либкнехта и Р. Люксембург особенно актуально в настоящее время, когда в Германии под покровительством американских и английских империалистов на политическую арену снова вышли последыши и выученики школы Носке — Шейдемана — Эберта — Вельса.

⁶⁹ Главарь шайки убийц Пабст активно действовал приходу Гитлера к власти. В 1932 г. он выступил посредником между Гитлером и Гинденбургом, ратуя за скорейший приход к власти Гитлера. Двое убийц К. Либкнехта, Горст фон Пфлуг-Гартунг и Ритген, заняли видное место в шпионском аппарате фашистского государства. Они уцелели и после краха фашизма, укрывшись один в Ирландии, другой в американской зоне оккупации Германии. Укрыватель убийц Йорнс получил в гитлеровской Германии ещё более высокий чин, чем при Веймарской республике: он был назначен председателем Верховного суда и выносил сотнями смертные приговоры демократам и революционе-рам.